

Эта квартира
похожа на жилище
закоренелого
холостяка.
Монумен-
тальная
ауди-
и видеотехника,
электрогитара в углу,
кровать в полстены
и полное отсутствие
штор на окнах.
Всюду — книги
и пепельницы.
Черная глыба
пса-волкодава,
символизируя
скрытую угрозу,
валяжно покое-
тся на цветах плед.
А между тем хозяйка
квартиры — женщина.

Веста БОРОВИКОВА

О природе пола

— У вас есть ощущение внутрен-
ней гармонии?

— Мы живем в то время, когда
гармонии нет вообще. И попытка
ее найти — в музыке ли, в литера-
туре, любви — мне кажется обре-
ченной на провал. Единственное,
что осталось, это бессознательная
память о том, как был устроен мир
до его разрушения. Эта память со-
хранилась в женщине: связь с ма-
леньким ребенком, которая носит
космический характер, ее колдов-
ское очарование, ее умение лечить
заговорами и травмами...

— В мужчине колдовского очаро-
вания нет?

— В мужчине его и не было ни-
когда. Но в нем было другое — то,
что он утратил. Мужчина когда-то
был тем, кто знает путь жизни.

— А женщина не знает?

— Нет. Женщине это и не нуж-
но. Она ориентирована на при-
ход мужчины. На любовь и мате-
ринство.

— А как же амазонки?

— Амазонки — это исключение.

Это протест против фаллического
начала. Если вы имеете ввиду ис-
торию. А если вы имеете ввиду
социальных амазонок, директоров
заводов, менеджеров — то мне та-
кие женщины не интересны.
В женщине должна присут-
ствовать тайна, которую
мужчина стремится от-
крыть. А какая тайна может
быть в директоре завода?

— У вас очень, я бы сказа-
ла, мужское отношение к
женщине. Она должна сидеть
и ждать, причем еще и с тайной вну-
три.

— Ну какое же это мужское от-
ношение! Такова природа жен-
щины.

— А какова, по-вашему, природа
мужчин?

— Мужчины забыли свою при-
роду. Мужчина изначально — это
свобода. Это дух и огонь. Это по-
корение и сила. Это стремление
познать истину, услышать тиши-
ну. А что представляет собой муж-
чина теперь? Прибитый землей,
своим скарбом, своим имущест-
вом, которое он так боится поте-
рять, не способный победить. В
насмешку природа оставила ему
фаллос, и он полагает, что этот ру-
дIMENT дает ему право называться
мужчиной! А право на это дает со-
всем другое. Мужская цель.

— Как, скажем, у Александра
Македонского?

— К примеру.

— А если бы вы встретили Алек-
сандра Македонского, обратили бы
на него внимание?

— Я думаю, что он не обратил
бы на меня внимания. Хотя я бы
сделала все, чтобы обольстить его.
И родить от него сына.

— Вы специально держите рас-
стояние «от мужчин», чтобы ничего
не разрушить?

— Расстояние создает сама
жизнь. Мужчины не будят во мне
сексуального интереса.

О природе любви

— Женщины для вас интересней?

— Безусловно. Женщина спо-
собна причинить невероятное на-
слаждение и боль. Я всегда вижу
женщину, которая подарит мне
трагедию.

— Зачем вам это?

— Только в пограничных состо-

Евгения
ДЕБРЯНСКАЯ:

ЖЕНЩИНЫ ПОДАРИЛИ МНЕ СТРАСТЬ

Вет. Москва — 2002 — 10 апр. — с. 4.

яниях мы понимаем, что из себя
представляем.

— Любовь для вас — пограничное
состояние?

— Конечно. Любовь — это
столкновение двух космосов. Лю-
бая любовь основана на противос-
тоянии и войне.

— А любовь-милосердие, само-
отдача без всякой войны, вам зна-
кома?

— Для меня это не любовь. Лю-
бовь — это удар. Прямо в солнеч-
ное сплетение. Когда разогнутые
не можешь. Ну какое тут милосер-
дие?!

— Вы способны жалеть жен-
щину?

— Жалеть? Зачем? А если пожа-
лею, то уже никак не полюблю.
Для меня интересна женщина,
которая, как монумент, который
хрен сломишь!

— И тогда в вас просыпается
мужское начало?

— Может быть. Это совершен-
но неважно. Иногда хочется, что-
бы меня растоптали. Иногда — на-
оборот. На самом деле любовь —
это «кто кого».

— Вы смогли бы созидать, а не
разрушать?

— Все дело в том, что невоз-
можно созидать, прежде чем не
разрушишь ту неприступную
крепость, которая зовется чело-
веком. Надо сорвать скорлупу,

чтобы докопаться до того, кто я,
что я, и на что я способна. Надо
раскопать себя. А в современной
тоскливой суеде как иначе вы
сможете себя узнать? Ну зарабо-
тать деньги я способна. Но когда
тебе почти пятьдесят, начинаешь
соображать: «Какого черта! Это
все так не важно!» А тщеславных
мыслей стать кем-то у меня ни-
когда и не было.

О природе чуда

— И в юности?

— В юности мне хотелось жить.
Получать радость. Путешество-
вать. Я очень много ездила, жила в
горах — на Памире, на Алтае. Пов-
торяю, мне очень хотелось жить.

— Вы нигде не учились?

— Никогда.

— А как на это смотрела мама?

— Мама была молодая. У нее
была интенсивная любовная
жизнь. Но временами она спихи-
валась: «А как же пенсия?» Но
какая пенсия может волновать че-
ловека в 17 лет?

— Она вас любила?

— Конечно! Я была ее единст-
венным ребенком. Просто меня
скрутило было невозможно. И
она это понимала. Не хотела зу-
бы ломать.

— А ваш отец?

— Мой отец познакомился с
мамой в тюрьме. Я родилась в за-
ключении. Через год маму осво-
бодили. Отец был старше ее, он
умер, так и не выйдя на свободу. Я
его, к сожалению, не помню.

— Это было в Москве?

— Это было в Свердловске. В
Москву я переехала в 21 год, когда
поняла, что в Свердловске мне
больше неинтересно.

— У вас тут никого не было?

— Нет.

— И как вы тут устроились?

— Всегда надо надеяться на чу-
до. Я брела по Тверской, тогда
еще улице Горького, смотрю —
надпись «ЖЭК». Захожу. Сидит
какой-то очень милый пьянень-
кий начальник. Я говорю ему:
«Знаете, хочется остаться в Мос-
кве. Давайте я к вам каким-нибудь
дворником устроюсь». Он гово-
рит: «Не надо дворником. У меня
тут есть один заброшенный дом,
дай мне двести рублей и живи в
нем». И я прожила в нем полтора
года.

— Где этот дом?

— Там сейчас гостиница «Твер-
ская». В центре Москвы. И еще —
к вопросу о чуде. В моей жизни
оно всегда случалось. Я иду по
Москве, вижу — стоит парень,
сдаст комнату. Дешево, потому
что нет горячей воды и нет ванны.
За театром кукол. Мы идем туда,

вроде бы ничего. Только сосед
какой-то странный. Начинаю
жить. И хозяйина моего собира-
ются сажать за какую-то растрату.
И получается, что я должна
вылетать из этой комнаты. А на
улице уже крошечная зима. И я
подхожу к этому моему соседу и
говорю: «Слушай, ты не хочешь
на мне жениться? Мне нужна
московская прописка». Он со-
гласаается, потому что ему делать
в этой жизни тоже особенно не-
чего. И я получаю московскую
прописку и становлюсь Дебрян-
ской Евгенией Евгеньевной. Че-
рез год подходит его очередь на
квартиру. А я его жена. И мы по-
лучаем квартиру и меняем на две
однокомнатных.

— Вы работали?

— Нет. Я как-то иначе отно-
шусь к жизни. Я люблю просы-
паться, когда захочу. Я ездила ав-
тостопом по стране. А по закону
автостопа денег с собой брать
нельзя. Тогда все будет нормаль-
но. Тогда тебе будет и ночлег, и
пища. Тогда тебя бережет Про-
видение.

— А как же дети?

— Когда мой сын подрос, стал
со мной кататься. Он и сейчас
продолжает это делать, только со
своей девушкой. Он сейчас уже
больше месяца в Таиланде.

— Тоже автостопом?

— Да.

— И все же: как можно было
жить с двумя детьми, не работая?

— Можно. Я не могу постоян-
но заниматься чем-то одним.
Меня угнетает обыденность.

— Я не об этом. Я в смысле
денег.

— В смысле денег раньше бы-
ло другое время. Другие отноше-
ния. Трудно было умереть с голо-
ду. Я начала работать в сорок лет,
когда на меня и на всех нас сва-
лился рынок. И я даже стояла од-
но время на Киевском вокзале и
продавала газеты. Правда, очень
недолго. Потом мой друг, у кото-
рого свой гей-клуб, предложил
мне устраивать там вечеринки
для моих девочек. Чем я и зани-
маюсь уже шестой год подряд.

Это была феерия!

— А если вернуться назад, на
улицу Горького, к тому жеку, вы
бы все повторили?

— Да. Только у меня было не-
сколько встреч, которые я бы хо-
тела ускорить. Например, встре-
тить отца моего младшего сына
Артура не в 30 лет, а в 20.

— Этот мужчина сыграл в ва-
шей жизни особую роль?

— Огромную. Он придал мне
ускорение. Он был таким сверка-
ющим парнем. Я поняла, что это
именно тот человек, который ме-
ня расшевелит. Мне было трид-
цать, ему — на десять лет меньше.
В тридцать лет наступает другая
эпоха, пора уже рождаться заново.
Вас кто-то должен родить еще раз.
И этим человеком оказался отец
Артура. Все то, что он говорил, об-
рушилось на меня, как лавина. Из
этого романа я вышла совершенно
иным человеком.

— А сейчас вы общаетесь?

— Сейчас я читаю его книги. Он
известный публицист, геополити-
к. Я понимаю, о чем он пишет,
мне интересно.

— То есть иногда мужчина спосо-
бен разбудить в вас некое интел-
лектуально-духовное чувство. А что
может разбудить в вас женщина?

— Женщины подарили мне
страсть. В той дикой боли, кото-
рую подарила мне моя последняя
любовь, мои прежние обрывоч-

ные мысли стали вдруг склады-
ваться в довольно стройное пове-
ствование. Чего я от себя никак
не ждала. И я благодарна ей
именно за то, что она меня бро-
сила. Именно в тот момент, не
раньше и не позже. Она смогла
мне нанести величайшую боль. И
я переродилась в третий раз в сво-
ей жизни.

— А когда было первое перерож-
дение?

— Моя первая любовь была еще
в городе Свердловске. Такая со-
вершенно невменяемая женщи-
на. Для меня, молоденькой дев-
чонки, она была, как цунами. Она
была намного старше меня. Как
она жила жизни! Не о чем не ду-
мая, просто ила до конца! Погиб-
нет она, не погибнет — это совер-
шенно ее не волновало. И я, вы-
росшая в тепличных условиях, ко-
гда открываешь рот, и тебе кладут
ягодку, конечно, была просто сло-
млена этой женщиной. Это была
феерия. Но, конечно, она меня
бросила!

— Сказали вы с удовлетво-
рением.

— Как человеку мне это не нра-
вится. Но я знаю, что, если бы это-
го не случилось, меня не ждало б
перерождение. Открытия бы не
произошло. Хотя как женщине
мне было обидно.

— Что она вам давала?

— Во-первых, она постоянно
называла меня душой. По трезво-
му размышлению, так оно и ока-
зывалось. Она считала, что я ни-
чего не знаю, ничего не понимаю,
не то читаю, не так одеваюсь и не
так хожу. Мне кажется, что она
меня терпеть не могла. Она была
крайне образованным человеком.
Музыкантша, лингвист, знаток
языков. Самолюбие мое крайне
страдало. Я садилась и учила язы-
ки, чтобы хоть как-то соответст-
вовать. Она научила меня не пря-
тать глаза. Когда я встретила по-
том со своими одноклассниками,
меня никто не узнавал.

В битве достойных проигравших нет

— Если я вас правильно поняла,
сила любви зависит не от пола, а от
личности.

— Гипотетически. Гипотетиче-
ски я могла бы полюбить мужчи-
ну. А реально не получается. Ис-
ключение — отец Артура. Потому
что, мне кажется, я наделена мол-
ниеносным пониманием чело-
века, которого вижу. И я никогда не
попадала в эти бесполезные муж-
ские тенета. И этой глупой возни с
мужчинами я стараюсь избегать.
Отношения с мужчинами всегда
носят какой-то слишком челове-
ческий характер. Они не понима-
ют силу сна, силу слова. Их инте-
ресуют только они сами. Они ос-
тавляют женщине какое-то уни-
зительное второе место. Они вы-
валивают на женщину монологи о
себе, даже не спросив, хочет ли
она их слушать. Они деформиро-
ваны. Мужчина должен по-бе-
дить женщину. И здесь не надо
бояться поражения. Поражения,
настоящего поражения в достой-
ной битве никогда не бывает.

— Это ваш совет мужчинам?

— Это мой совет женщинам.

Уходя из этой квартиры в сы-
рой апрельский вечер, я поймала
себя на мысли, которая меня
напугала. Вернее, это была не
мысль, а некое чувство. Оно за-
ключалось в том, что мне хоте-
лось туда вернуться. Почувство-
вать боль, умереть и родиться
вторично. Если, конечно, повезет.

Досье «ВМ»

Евгения Дебрянская — лидер и идеолог лесбийского движения
России. В годы перестройки — активный член Демократической
партии России, соратница Валерии Новодворской. Родилась в
1953 году в Екатеринбурге. С 1974 года живет в Москве. Пишет
книги, снимает кино. Имеет двоих сыновей.